

к русификации: «голоса сих контротанцев <contredanses>» и, что очень характерно, пристрастие к полонизмам и украинизмам: «мы нашли *связь* <избу>, только в трех комнатах состоящую» (ч. V, стр. 86); «на все *позволяю*» (ч. V, стр. 24); «женщина, красавицею в Англии почитаемая, есть *тварь* <существо> безпрекословно божественная» (ч. V, стр. 63); «почитал я себя не столь *винным*» (ч. V, стр. 80, 92); «ты сам себе *не подобен*» (ч. V, стр. 135); «таковыя мяса весьма *не смачны*» (ч. V, стр. 127); «слава похвалами и *плеском* преисполнилась» (ч. V, стр. 61); «обе стороны *споровались*» (ч. V, стр. 142); «*приниманы* были в лучших Лондонских беседах» (ч. V, стр. 40); «отошедши с ним в *скромное* <укромное> место» (ч. V, стр. 56); «свое *казанье* <поучение> ему прочел» (ч. V, стр. 65); «пользуясь *спутным* <попутным> течением воды» (ч. V, стр. 6); «не за давно перед тем» (ч. VI, стр. 11); «что касается до *прибору* <подбора> явлений» (ч. V, стр. 42).

Наряду с очень обычными для Лукина, так же как и для Елагина, отглагольными существительными с суффиксами *ени, ани, тель, ств, осьь* (грызение, волнование, бездельства, изрядство, суровство, вертопрашество, уверенность, запалчивость, услужность), можно указать на ряд слов, которые, возможно, были введены в оборот им самим: «горячность его к игре *простудилась* <остыла>»; «каменная *подошва* <мостовая> древних его улиц»; «велик, прекрасен и *многонароден* <многолюден>»; «*унарожен* <населен> одними только бедными»; «в душе моей *волновании* <волнения>»; «приступаем мы... к весьма *колкому* делу»; «не хотел он более о *разбогачении* близких стараться».

Что же касается лукинских словечек, за которые впоследствии подвергся он стольким издевательствам со стороны своих литературных недоброжелателей, то они, собственно, принадлежат не ему, а Елагину, что можно подтвердить соответствующими ссылками на текст: «что ни есть» — вместо «что-нибудь» (ч. III, стр. 44); «прямо» — вместо «действительно» (ч. III, стр. 112, 120, 163); «без закрытия» (ч. II, стр. 4); «признаваюсь» (ч. III, стр. 184); «не отрицаюсь» (ч. IV, стр. 33, 68); «прошибка» — вместо «ошибка» (ч. I, стр. 135, 157).

Останавливаясь на лексическом и фразеологическом составе текста Лукина, мы касаемся самого главного, что составляет его новаторство в расширении языковых средств. Елагин начал, а Лукин смело продолжил и усилил введение в литературный язык среднего слога самых простых разговорных и просторечных слов и выражений, что и вызвало против него впоследствии такую травлю, обвинения в приверженности к «подлости».